

Олег ЛЕКМАНОВ

«Рождественская звезда»: текст и подтекст*

I

Текст

Эволюцию Иосифа Бродского от первого рождественского стихотворения, появившегося в 1961 году, к последнему, которое датировано 1995 годом, можно описать как движение от усложненности и избыточности к внешней простоте и аскетизму, в конечном счете — движение к подлинно метафизической поэзии: «...выпендриваться не нужно. Во всяком случае у читателя <...> особенных трудностей возникнуть не должно». Так судил о своих рождественских стихах сам поэт в беседе с Петром Вайлем**.

Ниже речь пойдет об одном из выразительных образчиков поздней рождественской лирики Бродского, о его стихотворении «Рождественская звезда» (1987):

В холодную пору, в местности, привычной скорей к жаре,
чем к холоду, к плоской поверхности более, чем к горе,
Младенец родился в пещере, чтоб мир спасти;
мело, как только в пустыне может зимой мести.

Ему все казалось огромным; грудь матери, желтый пар
из воловьих ноздрей, волхвы — Бальтазар, Каспар,
Мельхиор; их подарки, втащенные сюда.
Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда.

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца***.

* Впервые: НЛО. 2000. № 5. Печатается по этому изданию.

** Бродский И. Рождественские стихи. М., 1996. С. 60.

*** Бродский И. Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб.: Вита-Нова, 2011. Т. 2. С. 113.

Зачин этого стихотворения Бродского («*В холодную пору...*») варьирует первую строку того отрывка из поэмы Некрасова «Крестьянские дети», который в обязательном порядке заучивают наизусть школьники младших классов («Однажды, в *студеную* зимнюю *пору*»). Впрочем, о стремлении поэта к почти школьной дидактичности и наглядности свидетельствует само строение двух начальных строк «Рождественской звезды», где Бродский без лишних предисловий вводит в стихотворение категории времени и пространства. Когда? «В холодную пору...» Где? «...В местности, привычной скорей к жару, / чем к холоду»*. Позаимствованные из лексикона школьного учебника словесные клише («в местности», «к плоской поверхности») лишают две начальные строки стихотворения Бродского какого бы то ни было эмоционального накала и превращают выполненный им пейзаж в подобие географической карты или даже геометрического чертежа. Ср. с рассуждениями Бродского об амфибрахии, которым написана «Рождественская звезда»:

«Чем этот самый амфибрахий меня привлекает — тем, что в нем присутствует монотонность. Он снимает акценты. Снимает патетику. Это абсолютно нейтральный размер»**.

Ответив на вопросы «когда?» и «где?», в следующей, третьей строке своего стихотворения автор «Рождественской звезды» объясняет «кто?» и «зачем?»: «*Младенец* родился в пещере, *чтоб мир спасти*». В приведенной строке со всей определенностью заявлена чрезвычайно важная для стихотворения тема сопоставления бесконечно малого с бесконечно большим. При этом малое у Бродского, в полном соответствии с многовековой рождественской традицией, оказывается в более сильной позиции, чем большое (почти: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!»). Очень соблазнительно услышать в третьей строке «Рождественской звезды» также эхо знаменитых мандельштамовских строк «Большая вселенная в люльке / у маленькой вечности спит»***, где так же парадоксально, как в разбираемом стихотворении, переплелись мотивы маленького/младенческого и большого/вселенского. У Бродского далее в стихотворении — ребенок «в яслях»; у Мандельштама в про-

* Эти строки построены по принципу загадки (о какой «местности» идет речь?). В полном соответствии со «школьной» поэтикой своего стихотворения Бродский далее сам на свою же загадку отвечает: «мело, как только в пустыне может зимой мести».

** Бродский И. Рождественские стихи. С. 59.

*** Финальные строки из стихотворения Мандельштама «В игольчатых чумных бокалах...» (1933) (Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. С. 230).

цитированных строках — вселенная «в люльке» (ср. в одиннадцатой строке «Рождественской звезды»: «...из глубины Вселенной...»).

Гораздо небрежнее замаскированной, а потому — менее интересной и глубинно значимой кажется нам многократно отмеченная исследователями реминисценция в четвертой строке «Рождественской звезды» из пастернаковской «Зимней ночи»*. Поэтому к разговору о подтекстах из Мандельштама в стихотворении Бродского мы еще вернемся, а к разговору о подтекстах из Пастернака — нет.

Пока же обратимся к анализу второй строфы «Рождественской звезды». В первых трех ее строках получает свое логическое развитие тема соотношения малого и большого, но с резкой сменой масштаба и точки зрения. Теперь перед нами не географическая карта или геометрический чертеж, а очень крупным планом взятая внутренность пещеры, увиденной глазами только что родившегося Младенца. Важно отметить, что ничего специфического во взгляде Младенца на мир пока что нет. Как и всякий ребенок, Младенец сначала сосредоточивается на том, что находится к Нему ближе всего («грудь матери»), а затем последовательно переводит свой взор на предметы все более и более отдаленные («желтый пар / из воловьих ноздрей, волхвы — Бальтазар, Каспар, / Мельхиор; их подарки, втащенные сюда»). Как и всякому ребенку, даже предметы самых скромных размеров (дары волхвов) кажутся Младенцу сказочно большими: их не внесли, а с трудом *втащили* в пещеру.

Возвращение «геометрической» образности приходится на заключительную строку второй строфы стихотворения («Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда»), причем это возвращение становится предзнаменованием ключевого события стихотворения. Изучив круг ближайших предметов, взгляд Ребенка устремляется к далекой звезде, и вот уже сын человеческий стремительно (от восьмой строки стихотворения к двенадцатой, заключительной) осознает себя Сыном Божиим. В младенце пробуждается Младенец. Для этого Ему понадобилось ощутить себя крохотной точкой в глубине пещеры — «концентрацией всего в одном»**, которую «из глубины Вселенной, с другого ее конца» отыскивает взгляд другой точки (звезды), «взгляд Отца»***. Спустя два года эта ситуация зер-

* См., напр.: *Йованович М.* Пастернак и Бродский (К постановке проблемы) // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М., 1998. С. 315–316.

** Формула Бродского из его интервью П. Вайлю (*Бродский И.* Рождественские стихи. С. 63).

*** Ср. в рождественском стихотворении Бродского 1990 г.: «Морозное небо над ихним привалом / с привычкой большого склоняться над малым / сверкало звездой — и некуда деться / ей было отныне от взгляда Младенца» (*Бродский И.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2. С. 153).

кально отразится в финале рождественского стихотворения Бродского «Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере...» (1989):

Представь, что Господь в Человеческом Сыне
впервые Себя узнает на огромном
впотьмах расстояньи: бездомный в бездомном*.

Только отрешившись от человеческих, «одомашненных» реалий окружающего мира, находящихся очень близко и потому отвлекающих внимание от крохотной, едва видимой рождественской звезды, Младенец способен стать Тем, Кто призван этот окружающий мир спасти. К такому выводу поэт подводит читателя в финале своего стихотворения**.

Чей опыт Бродский при этом учитывал в первую очередь? На этот вопрос мы сейчас попытаемся ответить.

II Подтекст

Как мы уже указывали выше, пастернаковский слой стихотворения Бродского «Рождественская звезда» исследован довольно подробно.

Нам, однако, гораздо более существенными кажутся переключки разбираемого текста со стихотворением Осипа Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937), известным также под домашним заглавием «Ода» или «Ода Сталину». Напомним, что вопреки почти всеобщему мнению Бродский считал «Оду» одним из лучших стихотворений Мандельштама. «Более того. Это стихотворение, быть может, одно из самых значительных событий во всей русской литературе XX века», — отмечал Бродский в разговоре с Соломоном Волковым***.

Именно к «Оде», на наш взгляд, восходит главный сюжетобразующий мотив «Рождественской звезды». Мотив внезапного узнавания сыном отца (после того, как отец заглянул сыну в глаза):

* Там же. С. 141.

** Ср. с финалом рождественского стихотворения Бродского 1990 г.: «Костер полыхал, но полено кончалось; / все спали. Звезда от других отличалась / сильней, чем свеченьем, казавшимся лишним, / способностью дальнего смешивать с ближним» (*Бродский И.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2. С. 153).

*** *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. С. 33. В свое время автор этой работы письменно обратился к ее герою с вопросом: «Как вы относитесь к “Оде” Мандельштама Сталину?» Ответ Бродского: «Как к одному из лучших его стихотворений».

И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,
 Какого не скажу, то выражение, близясь
 К которому, к нему — вдруг узнаешь отца
 И задыхаешься, почувяв мира близость...*

В этих и соседних строках «Оды» присутствуют весьма существенные для «Рождественской звезды» мотивы «близости мира», лирического героя, ощущающего себя едва приметной точкой («Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят»)**, а также соседства плоской поверхности с возвышенностью («Глазами Сталина раздвинута гора / И вдаль прищурилась равнина»***).

Куда важнее, на наш взгляд, обратить внимание не столько на конкретные мотивные переключки между «Одой» и «Рождественской звездой», сколько на общее для обоих поэтов пристрастие к геометрическим терминам при разработке основной темы своих стихотворений****. Приведем лишь несколько примеров из «Оды»: «Я б воздух *расчертил на хитрые углы*»*****; «Я б рассказал о том, кто сдвинул мира *ось*»^{6*}; «Я б несколько гремучих *линий* взял»^{7*} и проч.

Рискуя впасть в сильное преувеличение, мы все же решимся утверждать, что стихотворение Иосифа Бродского «Рождественская звезда» можно воспринимать и как своеобразную интерпретацию мандельштамовской «Оды». Стихотворение о вожде и поэте было прочитано Бродским как стихотворение об Отце и Сыне, который, глядя в глаза Отцу, понимает, что он обречен погибнуть, спасая мир. В свете такой интерпретации совершенно неожиданное звучание и значение приобретает обещание «*Воскресну я*»^{8*}, которым завершается стихотворение Мандельштама.

* Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. С. 360.

** Там же. С. 361.

*** Там же.

**** Ср. с начальными строками рождественского стихотворения Бродского 1995 г.: «В пещере (какой ни на есть, а кров! / Надежней суммы прямых углов!)» (Бродский И. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2. С. 227).

***** Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. С. 359.

^{6*} Там же. С. 359.

^{7*} Там же. С. 360.

^{8*} Там же. С. 361.